

«где Бог, Творец мой, Который дает песни в ночи, Который... вразумляет нас более, нежели птиц небесных?»

(Иов. 35: 10-11)

«Народу нужен стих таинственно родной, Чтоб от него он вечно просыпался»

О. Мандельштам

ПЕСНИ СЕРДЦА

ЕЛЕНА БАЛАШОВА

Елена Львовна Балашова родилась в 1949 году (24 мая – 55-летие) в деревне Галузино Чухломского (теперь Галичского) района. Её стихи публиковались в областных и центральных российских изданиях: в газетах «Литературная Россия», «Сельская жизнь», в журнале «Нева», в коллективных сборниках Верхне-Волжского издательства и в изданиях Костромской областной писательской организации.

В 1994 году вышел первый сборник поэта «Заколдованный

круг», в 1997 году – второй – «Высокий свет».

Стихи её отличаются искренностью, добротой, лиризмом, высокой гражданственностью и подлинной духовностью. Живет Елена Львовна в Чухломе, очень часто навещая свою родную деревню Галузино. Поэтому большая часть её творчества проникнута любовью к деревне, к её людям, к родной земле, крепкую связь с которой она сохраняет всю свою жизнь.

О. Колова

Казалось, что если возьму, — не вернусь,
Но, мучаясь, плача, рыдая,
Смотрела в глаза мне пресветлая Русь —
Моя незабудка лесная.

Из детства

Мгновенья счастливые перебирая,
Помню, все помню, забыть не могу,
Как по тропинке бегу я — босая,
Босая, маленькая — бегу.

Мама мне сшила новое платье,
Новые ленты в косы вплела.
Счастье еще так по-детски внятно...
Еще и черемуха не цвела...

Шлепают, шлепают звонко пятки.
По тропинке босая бегу.
Детское счастье, как же ты кратко!..
До сих пор забыть не могу.

Сбор ягод

Помню откос ромашковый,
Яростно пахнет польнь...
И облака барашками,
И неба над ними синь.

Что мне в этом мгновении?
Память зачем хранит
Иволги нежное пение,
Вздохи тревожных раки?

Не было это, было ли —
Сама не могу понять...
Помню до боли милую
Легкую благодать.

Мои руки грубы от работы домашней,
А на сердце нежность такая зреет
К опустевшим лесам, к этой черной пашне,
Что сказать о ней я уже не смею.

Лишь все чаще и чаще к земле припадая,
Я над ней рыдаю, чибисом плачу,
Потому что нежность к земле такая,
Что слова уже ничего не значат...

Осыпается иней с деревьев
Под стайкой щебечущих птиц.
Я в церкви, пустынной и древней,
Послушаю чтение страниц —
Бессмертных и вечных, как небо, —
И выйду навстречу звезде...
За корку насущного хлеба,
За свет — благодарна Тебе.
Искрающейся пылью сверкает
Весь воздух под юной луной.
И как благодать принимаю
Я хлеб мой насущный земной.

Я землянику собираю —
Божественный небесный труд,
И кажется земля мне раем,
Где насекомые живут.

Вот муравей, большой и рыжий.
Он тащит что-то — не понять.
Я перед ним склонюсь пониже,
Чтоб труд великий увидеть.

Вот легкокрылая и прозрачная,
Спланировала стрекоза
Столичной штучкою на дачу.
Какие у нее глаза!

Вот шмель, тяжелый и сердитый.
Ого! Подальше от беды.
Ему лишь не хватает свиты
Да на груди большой звезды.

Вдыхая ягод запах летний,
Легко подумаю о том,
Что нужно к вечеру успеть мне
Вернуться в дом.

Но всюду, всюду земляника!
И сосен шум, и летний зной.
А здесь ее!..

А там — взгляни-ка!
Нет, хватит. Всё. Иду домой.

И встретил лес меня настороженно,
Веселых песен мне не обещал.
А на осине горько обнаженной,
Последний лист покорно трепетал.

Шиповника колючая преграда
Стояла грозно на моем пути,
Предупреждая, что туда не надо
Такой вот — беззащитною — идти.

Холодных ягод горсть я набрала,
Прочь побрела, глаза поднять не смея,
Постичь умом пока что не умея
То, что давно душою поняла.

Там за спиной вздыхали пни покорно,
Деревья грозной двигались стеной...
И тучи край — зловецей, мрачной, черной —
Навис неискупимо виной.

«Все мало ей тряпок да хлама!» —
Ворчал он и думал о том,
Что помнится юная мама
В единственном платье простом,

Что даже картошка в мундире,
Вкуснее пирожных была,
Что в этой музейной квартире
Ему не хватает тепла...

И пил из бутылки он прямо,
Все силится вспомнить — не мог:
Пальто-то хоть было ль у мамы?
Но видел лишь глины комок,

Приставшей на сиром кладбище,
Где мать он свою схоронил,
Где ветер бездомником свищет
Среди позабытых могил.

Когда по знакомым родимым местам
Я гостей уже проходила,
Казалось мне: черная тень от креста
Качалась над чьей-то могилой.

Уже здесь не житель — всего только гость,
Но все же не могла я решиться
С собой захватить просоленную горсть
Отеческой горькой землицы.

В захолустном глухом городишке,
Где все жители наперечет,
Под заплатами ветхою крышей
В одиночестве бабка живет.

А точнее, не живет — доживает.
Ест картошку, а в праздник — пирог.
Свои сорок рублей получает
Она точно в назначенный срок.

Все собаки в лицо ее знают,
Она кормит заблудших, худых,
И за это их пестрая стая
Охраняет ее от беды.

И, казалось бы, что в этом толку,
Что на свете так долго живет
Эта бабка, к тому ж — богомолка?..
Богомолки все — «темный народ».

Но собаки представьте вы, знали,
Для чего эта бабка скрипит,
И надежно ее охраняли
От житейских невзгод и обид.

А когда этой бабки не стало,
Трое суток почти напролет
Стая пестрая так завывала,
Что не выдержал нервный народ.

Кто-то выстрелил в пеструю стаю,
А потом еще долго и в smak
Толковали, что больно худая
Молодежь нынче... Хуже собак...

Я жила, сомневаясь и мучаясь,
Но опять и опять, и опять
Милой родине — самую лучшую! —
Часть души я готова отдать.

Не надсадно, не с болью, не с вызовом —
С тихим трепетом. И — до конца.
Перед светлой своею отчизною
Никогда я не спрячу лица.

И в сомненьях своих, и в смятении
Я одна, я сама разберусь.
Лишь души своей жар и горение
Я отдам тебе светлая Русь!